
Сяо Эр вырос

Цинь Чжао пришёл к рыночным рядам, чтобы оставить добычу в лавке своего дяди. В холщовом мешке обнаружили два живых зайца и один фазан. Не успел охотник разложить товар, как богатые горожане тут же всё раскупили.

Получив деньги, парень настоял на том, чтобы угостить Чу Цы. Тот лишь растерянно улыбнулся, не понимая, с чего вдруг такая щедрость.

— Помнишь, ты научил меня хитрому способу ловить дичь живьём? — пояснил Цинь Чжао. — Живой зверь ценится куда выше битого. Я теперь зарабатываю вдвое больше, так что не вздумай отказываться!

Собеседник понимающе кивнул. В прошлый раз, когда они вместе шли в город, он вскользь упомянул особый способ вязания узлов. Об этой самозатягивающейся петле Чу Цы когда-то вычитал в книге: если спрятать её в траве, мелкий зверь непременно угодит лапой в силок и уже не выберется.

— Это твоя заслуга, — возразил юноша. — Я лишь обмолвился парой слов, а поймал-то зверя ты. Но почему ты не роешь ловчие ямы? Так ведь тоже можно брать добычу живой.

— И не поминай! — махнул рукой охотник. — В нашей деревне ямы копать не позволяют. Пару лет назад один мужик пошёл за хворостом, да и провалился в такую ловушку. Ногу вывихнул, выбраться не смог — едва с голоду там не помер. Хорошо, прохожий услышал крики, а то греха бы не обобрались. Мы и луком неплохо справляемся, так что лишний раз рисковать чужими жизнями не стоит.

— Вот оно что, — Чу Цы одобрительно кивнул. В отличие от современного мира, где в лесах редко встретишь человека, здесь горы были единственным источником пропитания для многих. Расставлять ямы-ловушки на каждом шагу и впрямь было бы слишком опасно для простых людей.

— Так что я просто обязан тебя накормить! Пошли-пошли! — Цинь Чжао громко рассмеялся и, по-дружески обхватив товарища за шею, потащил его за собой.

— А ну отпусти дядюшку! — Сяо Юань, надув щёки, тут же бросился на защиту. Видя, что его единственного родственника бесцеремонно притиснули, он был готов к решительным действиям.

— Ого, а ты ещё кто такой? — охотник с любопытством воззрился на малыша. — С чего это я должен его отпускать? Что ты мне сделаешь?

Племянник на мгновение растерялся, но тут же выудил из висевшей через плечо сумки рогатку.

— Отпусти дядюшку, не то я в тебя выстрелю! — яростно выкрикнул он.

— Рогатка? — Цинь Чжао прищурился. — И как из неё стреляют?

Мальчик подобрал с земли камешек, приладил его к ложу, оттянул жгут и — хлоп! — снаряд с сухим стуком врезался точно в ствол дерева. Сяо Юань обернулся к верзиле, гордо вскинув подбородок: мол, знай наших.

Глаза брата Циня азартно блеснули. Вмиг позабыв о взрослом друге, он принялся кружить вокруг ребенка, выпрашивая игрушку «хотя бы разок примериться».

Чу Цы невольно рассмеялся. Лишь сейчас он узнал, что этому рослому парню всего шестнадцать лет. Физически тот развился не по годам, но по части ребячества явно был на одном уровне с маленьким Юанем.

Когда они съели по чашке горячих хуньтуней, которыми их угостил Цинь Чжао, Сяо Юань немного смягчился. Порция пельменей стоила целых пять монет — на эти деньги можно было купить целую деревянную саблю. Мальчик втайне опасался, что если он будет груб, охотник потребует с дядюшки плату за обед.

У городских ворот ребенок вдруг оживился: какая-то женщина продавала из корзины крошечных цыплят.

— Дядюшка, глядите! — он потянул Чу Цы за край одежды.

— Хочешь купить птицу?

— Угу. Если вырастим их, у нас будут свои яйца, а лишние можно будет продать, — Сяо Юань уже грезил о том дне, когда с гордостью вручит матушке честно заработанные деньги на хозяйство.

— Ну, раз такое дело, давай купим.

Оказалось, что один птенец стоит три монеты. Чу Цы решил забрать всю корзину: за десять штук и саму плетёнку он отдал тридцать две монеты.

Счастливым Юань-эр зашагал прочь, неся ношу с таким важным видом, будто и родни знать не желает. Глядя на эту походку, дядюшка не мог сдержать смеха.

Цинь Чжао тем временем всё возился с рогаткой, на ходу обстреливая камнями придорожные кусты. Внезапно он заметил на склоне зайца. Подобрал камень покрупнее, юноша со всей силы натянул жгут, желая показать удаль.

Раздался жалобный треск. Сяо Юань обернулся и увидел, что его любимая игрушка разлетелась в щепки. Виновник стоял рядом с крайне неловким видом, сжимая в руках обломки. Малыш не выдержал и горько разрыдался.

Чу Цы похлопал растерянного парня по плечу и присел перед племянником.

— Ну чего ты? Мужчины не плачут по пустякам. Дядюшка дома сделает тебе новую, ещё лучше прежней.

— Я же с ней всего день поиграл... — всхлипывал Юань-эр. — Знал бы, ни за что не дал в руки!

— Ничего, будь выше этого. Смотри, сейчас я задам ему жару, — юноша поднялся, ласково потрепав ребенка по голове, и подошёл к обидчику.

— Братец Цинь, найдётся ли у тебя дома пара бычьих жил? На новую поделку нужны именно они, а у меня запасы кончились.

— Есть, конечно! Всё принесу, обещаю. Прости, я не думал, что она такая хрупкая... — Цинь Чжао готов был провалиться сквозь землю.

— Ладно тебе. Для ребёнка это была единственная игрушка, вот он и расстроился.

От этих слов охотнику стало ещё совестнее: сломать единственную забаву мальчишки — это надо было умудриться. Видя его понурый вид, Чу Цы «милостиво» предложил:

— Вот что: умеешь мастерить деревянные мечи? Ну, такие, для упражнений. Кажется, Сяо Юаню они очень нравятся.

— Думаю, справлюсь, — неуверенно ответил парень. Уж если он сам мастерит всё снаряжение для охоты, то выстругать меч точно не составит труда.

— Тогда договорились. С тебя деревянный клинок для Юаня и кусок бычьей жилы.

— А... можно мне тогда тоже рогатку сделать?

— ...Сделаю.

На развилке дорог они разошлись. Цинь Чжао так припустил к своему дому, что через мгновение его и след простыл.

Подходя к родной деревне, Чу Цы уловил доносящийся из одного двора горьковатый запах лекарств. Он вдруг вспомнил, что матушка, желая оплатить его лечение, отдала лекарю Хуану свои украшения.

— Юань-эр, неси цыплят домой. Мне нужно кое-куда заглянуть, скоро буду.

— Хорошо, дядюшка, только не задерживайтесь!

Мальчик подхватил корзинку и бодро зашагал к дому. Стоило им разминуться, как его тут же окружила ватага соседских ребят; до слуха Чу Цы долетели их полные зависти расспросы.

Сам же он направился к дому лекаря Хуана.

Забор здесь был сложен из добротного кирпича — по деревенским меркам это была богатая усадьба. На стук вышла Цзиньнян, маленькая внучка врача.

— Дедушка! Сючай Чу пришёл! — закричала семилетняя девчушка, убегая вглубь двора, будто к ним пожаловал не сосед, а разбойник.

Чу Цы вошёл и коротко объяснил цель визита. Лекарь Хуан, не мешкая, вынес свёрток.

— Забирай. Это твой отец ей оставил когда-то. Сяо Эр, ты уж теперь-то будь к матушке почтительным, заботься о ней, — старик взял с него лишь триста пятьдесят монет за само лекарство, наотрез отказавшись от платы за осмотр.

— Я всё сделаю, спасибо вам, — молодой человек низко поклонился ему, как старшему. Он мысленно поклялся, что больше никогда не допустит, чтобы матери пришлось закладывать свои вещи.

Дома Сяо Юань уже выпустил птенцов. Жёлтые комочки робко жались к взрослым курицам и жалобно пищали, выпрашивая еду. Юань-эр примостился на камне и усердно дробил неочищенный рис, чтобы потом размочить его в воде и накормить питомцев. Уж в чём-в чём, а в уходе за птицей он знал толк.

Чу Цы прошёл на кухню и выложил покупки: два фунта соли, пять фунтов муки и добрый шмат мяса. Шэнь Сюнян, увидев такое изобилие, на мгновение лишилась дара речи, но, услышав голос деверя, тут же принялась за дело.

— Невестка, может, сегодня пельменей наделаем?

— А что, и наделаем! — отозвалась Сюнян, принимаясь зачерпывать муку.

— Бери побольше, — добавил Чу Цы. — Поедим сегодня всей семьёй досыта.

Он боялся, что она по привычке приготовит лишь на него и племянника, а сама с мужем будет доедать вчерашние остатки. Сюнян смутилась — именно так она и планировала поступить, — но под пристальным взглядом юноши была вынуждена добавить ещё пару больших ковшей муки.

Выйдя из кухни, Чу Цы спрятал заветный свёрток за спину и подошёл к комнате матери.

— Сяо Эр? Заходи, сынок, я здесь.

Матушка Чу сидела на краю постели, щурясь на свет и пытаясь заштопать одежду. Увидев сына, она отложила шитьё и похлопала по одеялу рядом с собой.

— Матушка, я сегодня заработал в городе семьсот пятьдесят монет, — начал он, присаживаясь рядом. — Шестьдесят ушло на соль, сорок — на мясо, мука стоила тридцать пять. Ещё цыплята и завтрак... В общем, потратил я сто семьдесят четыре монеты.

— Сын мой, ты бы берёг деньги, — мягко упрекнула его старая госпожа. — Тебе учиться надо, книги покупать. Сяо Юань растёт, брату твоему с женой тоже непросто. Того, что они зарабатывают, на еду едва хватает, так что на учёбу копи сам.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Чу Цы. — Я теперь много чего умею. Я не только выучусь и выведу нашу семью в люди, но и Юань-эра за книги посажу. Представьте только: из нашего дома выйдут сразу два сановника! Вот уж соседи удивятся!

Его слова заставили старушку рассмеяться.

— Ишь, чего захотел! Прямо «лаофэнцзюнь» из меня сделать решил? Был бы отец жив, он бы от такой радости глаз до утра не сомкнул.

Взгляд её на мгновение потускнел, и улыбка сошла с лица.

— Матушка, а хотите, я вам фокус покажу? Закройте глаза и не открывайте, пока не разрешу.

Чу Цы поспешил отвлечь её от грустных мыслей.

— Что ты опять затеял, сорванец? — проворчала она, но послушно зажмурилась.

Молодой человек достал свёрток и положил его ей на ладони.

— Открывайте.

Матушка Чу медленно открыла глаза. Увидев знакомый мешочек, она замерла. Все эти годы она засыпала и просыпалась, почти каждую ночь глядя на него. Глаза её медленно наполнились слезами.

— Ну что вы, матушка? Радоваться же надо! Я вернул их, и больше они никуда от нас не уйдут. Со временем я куплю вам украшения куда лучше этих, так что на каждом пальце будет по кольцу...

Чу Цы осёкся на полуслове. Мать крепко прижала его к груди, прервав его болтовню.

— Сяо Эр... вырос мой мальчик.

Чу Цы замер, а затем невольно улыбнулся. Матушка Чу была так похожа на его родную бабушку — даже её объятия были такими же тёплыми и уютными.

<http://bllate.org/book/15354/1415937>